

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.7)

Научная статья

УДК 316.722

doi: 10.18522/2070-1403-2024-106-5-49-57

РОССИЯ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПАРАМЕТРЫ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

© *Кристина Артемовна Шаровара*

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

starodubceva.kriss@mail.ru

Аннотация. Исследуются ключевые параметры изучения цивилизационной специфики России. Выделены два компонента цивилизационного своеобразия – институциональный и ценностно-нормативный. Показывается, что институциональный компонент представлен исторически воспроизводимым паттерном определяющей роли государственной власти. Утверждается, что Россия в своих цивилизационных параметрах не демонстрирует культурных паттернов классического азиатского или евразийского типа. Делается вывод, что институциональные и ценностно-нормативные цивилизационные характеристики российского общества являются константными, т.е. практически неизменными на протяжении исторических сроков.

Ключевые слова: цивилизация, универсализм, цивилизационный подход, институциональные характеристики, ценностно-нормативный комплекс, этакратизм, гражданское доверие, симфония государства и церкви.

Для цитирования: Шаровара К.А. Россия как цивилизационное образование: параметры социально-философского изучения // Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 106. № 5. С. 49-57. doi: 10.18522/2070-1403-2024-106-5-49-57

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.7)

Original article

Russia as a civilizational formation: parameters of socio-philosophical study

© *Kristina A. Sharovara*

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russian Federation

starodubceva.kriss@mail.ru

Abstract. The key parameters of studying the civilizational specifics of Russia are investigated. Two components of civilizational originality are identified – institutional and value-normative. It is shown that the institutional component is represented by a historically reproducible pattern of the defining role of state power. It is argued that Russia, in its civilizational parameters, does not demonstrate cultural patterns of the classical Asian or Eurasian type. It is concluded that the institutional and value-normative civilizational characteristics of Russian society are constant, i.e. practically unchanged throughout historical periods.

Key words: civilization, universalism, civilizational approach, institutional characteristics, value-normative complex, etacracy, civic trust, symphony of state and church.

For citation: Sharovara K.A. Russia as a civilizational formation: parameters of socio-philosophical study. *The Humanities and Social Sciences*. 2024. Vol. 106. No 5. P. 49-57. doi: 10.18522/2070-1403-2024-106-5-49-57

Введение

Поскольку выбор методологии определяется спецификой предмета исследования, а непосредственным предметом данного исследования являются отличительные ценностные характеристики российской цивилизации, нашей задачей будет выяснение цивилизационных параметров России, определяющих содержание и сущность ценностных констант российской цивилизации.

Актуальность этой задачи связана не столько с наличной ситуацией современности, сколько с дискуссионностью темы, которая не теряет своего потенциала полемичности на протяжении не только десятилетий, но уже и столетий. Дискуссия о цивилизационном статусе России длится уже очень долго, и она ведется не только в чисто теоретическом поле, но и – главным образом – относительно перспектив и стратегий исторического и социально-экономического развития российского общества, которые напрямую связаны с выбором цивилизационных ориентиров. В ходе этой исторической дискуссии сформировались два принципиально оппозиционных друг другу направления: западничество и почвенничество, идейное противостояние которых придало окраску духовной и политической жизни страны на долгое время. Это обстоятельство делает актуальным обращение к теме цивилизационного своеобразия России в условиях изменившейся внешнеполитической ситуации, сменившей ориентиры и поменявшей акценты взаимоотношений с другими цивилизационными образованиями.

Обсуждение

На протяжении двух столетий, начиная с эпохи Петра Первого, важнейшим цивилизационным ориентиром для России была Европа. Масштабные культурные, институционально-политические, мировоззренческие заимствования петровской эпохи, быстрое формирование целого слоя служивых людей, получивших качественное для того времени европейское образование стали фактором превращения европейской культурно-цивилизационной матрицы в ориентир развития российского общества и референтную цивилизационную модель для российского образованного слоя.

Интерес к Европе, тесные экономические и культурные связи с ней сформировали представление о европейской цивилизации как наиболее развитой, что повлекло за собой стремление значительной части образованного слоя следовать по пути Европы, революциями или реформами осуществить в российском обществе изменения, связанные с внедрением институциональных структур, социальных и политических практик, аналогичных европейским. Сформировалось российское западничество – обширное направление социально-политической мысли, ориентированное на максимальное уподобление Западу во всех сферах.

Как отмечают исследователи, в послепетровское время для значительной части населения страны европейская цивилизация стала референтной моделью культурно-цивилизационного развития [5]. Этому способствовал интенсивный процесс модернизации, инициированный логикой внутреннего развития европейских обществ, и распространение ценностей и установок, порожденных этим процессом, на другие страны, не входившие непосредственно в круг европейских, но так или иначе культурно и экономически соприкасавшихся с европейской цивилизацией.

Однако, как отмечает В.И. Пантин, «попытки Петра I насадить среди российского дворянства западноевропейские культурные нормы и обычаи в итоге привели к глубокому культурному и цивилизационному расколу между дворянством и остальными социальными слоями, составлявшими подавляющее большинство населения» [8, с. 110]. В то же время Россия, несмотря на тесные связи с европейскими обществами и сильнейшее культурное влияние Европы на все стороны общественной жизни, существенным образом отличалась от европейских стран, и это отличие обуславливалось целым рядом факторов.

Среди этих факторов исследователи в первую очередь называют религиозно-конфессиональный, связанный с тем, что усвоение и принятие христианского мировоззрения, ценностей, архетипов и поведенческих моделей европейской цивилизацией и Россией шло разными историческими путями [7]. Россия заимствовала христианскую религию в формате восточного православия от Византии, сыгравшей в отношении страны не только религиозно-просветительскую, но и культурно-инициирующую роль. При этом роль Византии была и цивилизационно-образующей: речь идет о языковом влиянии, заимствовании важнейших культурных образцов и установок, интенсивной деятельности прибывших из Византии монахов по формированию на Руси православной церковности,

строительству монастырей, налаживанию монашеских и просветительско-образовательных практик, созданию летописей. Согласно С.С. Аверинцеву, «русская культура через контакт с Византией преодолела локальную ограниченность и приобрела универсальное измерение. Она стала культурой в полном значении этого слова» [1, с. 52].

Таким образом, именно Византия стояла у истоков формирования российской цивилизации. Мировоззренческой и аксиологической основой ее стали смысложизненные ценности христианства, связанные с его сакральными архетипами. При этом восточное, византийское видение христианской веры в ряде существенных моментов отличалось от западного, римско-католического. Одной из главных специфических характеристик византийского понимания христианства и реализующих его социальных и политических практик стала концепция симфонии церкви и государства – объединение их усилий в стремлении обеспечить реализацию в земных условиях принципов и установок христианства с использованием при этом ресурсов государственной власти. Концепция симфонии стала и российской культурно-цивилизационной чертой на долгие столетия существования монархии в форме христиански-ориентированного самодержавия, но этим ее влияние не исчерпывается.

Она стала архетипической базой специфически-русской модели отношения к государственной власти, которая исторически позиционировалась как некий политический и силовой инструмент реализации духовной программы утверждения христианства и его ценностей на земном плане. Отсюда следует глубинное доверие граждан к государственной власти и осуществляемой ею политике, этос бескорыстного подданнического служения государству в достижении его целей. Идентификация населения с государством, восприятие его как сакрализованной инстанции, тесно связанной с самой сутью христианской веры, и практически религиозное отношение к государству, сопряженное со смирением и принятием любых превратностей политической жизни стало важнейшим социокультурным следствием реализации концепции симфонии, закрепившись в качестве устойчивой цивилизационной константы российской цивилизации.

Необходимо отметить, что характер этого гражданского доверия существенно отличается от того типа доверия граждан своему государству, который сложился в рамках современной западной цивилизации. Оно является безусловным в своей базовой тенденции, не подвержено критическому анализу, напоминает скорее родственное доверие в семье, что соответствует термину «патернализм». В отличие от этого феномена западная цивилизация в своем развитии сформировала тип политической культуры и гражданского доверия, базирующийся главным образом на социальной рефлексии и критике, осознанном суверенитете индивидуальной личности, которая самостоятельно выбирает, относиться ли с доверием к государству, той или иной политической партии или деятелю.

Гражданское доверие такого типа является обусловленным и оценивающим, требует условий и аргументов, и в конечном счете исходит из принципиально иной концепции отношений с государством, сформированной европейской эпохой Просвещения. Эта концепция, во-первых, строится на длительно выношенной характерной для европейской философии идеи радикального сомнения, критического анализа, который осуществляет личность для осознания себя и своих отношений к окружающему миру. Во-вторых, она базируется на представлении о чисто инструментальной ценности государства как инстанции, поставленной на службу населению.

В этой модели взаимоотношений государства и населения подлинным сувереном выступает именно население, тогда как государство (согласно концепции Общественного договора Ж.-Ж. Руссо) вступает с ним в договорные отношения, которые могут быть расторгнуты народом в одностороннем порядке, если власть нарушает какие-либо из принципов договорности. Таким образом, государство здесь не сакрализовано, отношение к нему со стороны граждан необременительно для последних, у них не существует никаких значимых обязательств перед государством, кроме следования законодательству. При этом закон и право выше государства в иерархии общественных ценностей, государство перед законом позициони-

руется как один из социальных акторов наравне с индивидуальными акторами и общественными организациями. Позиции государства в обществе не эксклюзивны.

Естественно, что в рамках такой социально-мировоззренческой конструкции гражданское доверие является не безусловным априори, а выступает продуктом критической рефлексии на индивидуальном и социальном уровнях. Оно реализуется в отношении только такой государственной власти, которая успешно решает задачи по обеспечению благосостояния и комфорта своих граждан и соответствует их социальным представлениям и ожиданиям. Институциональное строение общества при этом включает в себя полный комплект механизмов, обеспечивающих сменяемость власти – как регулярную, так и связанную с эксклюзивными случаями разнообразных злоупотреблений.

Цивилизационное своеобразие России, по мнению ряда исследователей, прежде всего определяется сверхзначимостью государства и государственной власти, а также вытекающим из нее эксклюзивным положением государства в системе общественной регуляции и распределения благ. О.И. Шкаратан, например, относит Россию к цивилизациям азиатского этакратического типа, имеющим собственные траектории исторических изменений и не реализующим сценарии модернизационного развития, какими бы они ни были. Этакратизм предопределяет циклический характер изменений, связанный с прохождением определенных фаз, однако такие изменения не являются модернизационными и не являются развитием в общепринятом смысле этого понятия, предполагающего переход на некоторые новые, качественно иные уровни социального бытования.

Напротив, движение по циклической исторической траектории обеспечивает неизменность и повторяемость принципиальных цивилизационных черт, их адаптацию к меняющимся внешним условиям, позволяющую им сохраняться. Как отмечает Шкаратан, «принятие идеи унитарности развития человеческой цивилизации проходило под решающим влиянием гегелевской схемы “ступенчатого” развития истории к единому для всего человечества идеалу. Определяющей для марксистского миропонимания была идея развития человечества в соответствии с линейно-стадиальной схемой смены социально-экономических формаций как фундамента любого конкретно-исторического общества. Ничем в этом отношении не отличается и либерализм. Он также признает безальтернативность пути развития человеческой цивилизации» [10, с. 75].

Концепция этакратических цивилизаций отрицает возможность универсалистского понимания развития конкретно-исторических обществ. Шкаратан подчеркивает, что универсалистские конструкции – от гегельянства до современного либерализма – исходят из идеи общности траектории развития для всех без исключения социумов: «В полном соответствии с общей логикой либерального унитаризма они предполагали, что есть общий для всего человечества путь, но на него не все общества вступают одновременно, поскольку мир образует иерархическую систему, где страны делятся на “эшелоны” как ушедшие вперед, так и следующие в фарватере, стремящиеся догнать находящиеся впереди» [10, с. 77].

В определенном смысле универсалистское понимание истории было продуктом европоцентризма и западоцентризма в конструировании цивилизационной идентичности западного мира. Как отмечают исследователи, «репрезентации цивилизационной идентичности реляционны, формирование европейской цивилизационной идентичности с помощью инструмента конструирования Другого как чуждого и отсталого способствовало укоренению универсалистской цивилизационной концепции и ее легитимации в научных эволюционистских концепциях и линейных теориях» [9, с. 137].

Взгляд на исторический процесс с позиции цивилизационного подхода, в рамках которого находится концепция Шкаратана, подразумевает отрицание единой траектории развития различных обществ. Соответственно этому, отрицается и закономерность социально-экономической модернизации: она рассматривается как специфический продукт цивилизации Запада, порожденный ее внутренними процессами и условиями, логикой ее внутреннего развития, которая отнюдь не является всеобщей. Незападные общества могут выбрать для себя стратегию модернизации, но в таком случае она остается

лишь заимствованием, попыткой пересадить инокультурные паттерны развития на собственную почву, и эффективность такого заимствования ничем не гарантирована. Таким образом, согласно Шкаратану модернизация представляет собой вестернизирующий сценарий общественного развития незападных стран со всеми его минусами и рисками.

Российское общество рассматривается в рамках этакратической концепции как евразийское, но не принадлежащее к цивилизационному анклаву Запада. Оно обладает непреходящими специфически-азиатскими чертами, не оставляющими возможности осуществить эффективную модернизацию по западному типу. В этой связи Шкаратан пишет: «Общественное устройство современной России рассматривается нами как продолжение существовавшего в СССР социально-экономического порядка, исторические корни которого уходят в многовековое прошлое страны – носительницы евразийской православной цивилизации, не знавшей устойчивых институтов частной собственности, рынка, правового государства, гражданского общества, – которая существенно отличается от европейской (атлантической) по институциональной структуре и ценностно-нормативной системе» [11]. Важнейшей характеристикой российского этакратизма, согласно Шкаратану, является сословный принцип организации социума, представляющий собой специфическую именно для России институциональную и стратификационную систему, общие конфигурации которой сохраняются на протяжении истории страны, несмотря на пройденные ею социетальные трансформации.

Однако нам представляется, что институциональная специфика российского общества, являющаяся следствием и отражением его цивилизационного своеобразия, находится в единстве со спецификой ценностно-нормативного комплекса, характеризующего российскую цивилизацию. Как уже говорилось выше, ядром и основой российской ценностно-нормативной системы является сакрализация государственной власти в соответствии с паттерном симфонии церкви и государства, воспринятым у Византии. Кроме того, значимой чертой ценностно-нормативного комплекса россиян исторически всегда была аскетическая неприветливость в быту, связанная, по-видимому, с тяжелыми природно-климатическими условиями, традиционной бедностью населения, необходимостью тяжелого труда для поддержания жизни, а не обогащения.

Аскетизм, смирение с невысоким уровнем потребления является и важнейшим атрибутом христианской религии, в частности, в ее православном измерении. Ценностное измерение бытового и потребительского аскетизма, характерного для российской цивилизации, сформировалось под влиянием не только христианских паттернов и суровых условий быта, но и в корреляции с приоритетом духовного начала по отношению к материальному. Повышенная значимость духовности и связанных с ней поведенческих мотиваций сохранялась на протяжении всей российской истории. Это было сопряжено не только с этосом бескорыстного служения государству в достижении его целей, но и с особым территориально-географическим положением страны, ее гигантскими размерами, провоцировавшими многочисленные попытки завоеваний со стороны соседних государств, которые необходимо было отражать. Для этой постоянной борьбы за сохранение своих границ и политического суверенитета необходимы установки, выходящие за пределы стремления к удовлетворению индивидуальных потребностей.

Высокая значимость духовных ориентиров, смысложизненного поиска, готовность к самопожертвованию во имя надындивидуальных ценностей исторически характеризовали ценностно-нормативные представления, сформированные российской цивилизацией. В то время как западный культурный мир совершал переход к состоянию общества потребления, российская цивилизация длительное время продолжала сохранять духовные приоритеты, что способствовало интенсивным поискам более справедливого общественного устройства, идеологическим метаниям, гражданскому противостоянию в приверженности тем или иным идеологемам. Такая вовлеченность в смысложизненный поиск создавала серьезные социальные вызовы и риски, однако не позволяла обществу переключиться на прагматические и потребительские ориентиры.

Для российской цивилизации вследствие этого характерен острый интерес к нравственной проблематике и ценностям. Эта специфическая черта не только находит проявление в различных контекстах повседневности, но и является базовой для российской культуры, литературы, философии. По мнению А.Ф. Замалеева, «преобладание этического момента всегда составляло характерную черту русской философии. Этот «панморализм», сложившийся преимущественно на почве православия, окрашивает мировоззрение почти всех отечественных мыслителей, даже тех, которые не занимались непосредственно вопросами морали» [Замалеев: 5]. Аналогичную позицию занимает А.В. Джоган: «...русская философия, по преимуществу, этикоцентрична, поскольку нравственная проблематика занимает в ней более весомое место, нежели научная и религиозная. Более того, в тех видах научной и религиозной философии, которая имеет место в России, также определяющей является нравственная составляющая» [2, с. 221]. О центральном месте нравственного поиска в русской художественной литературе излишне упоминать – об этом говорилось многократно.

Так, Б.В. Кондаков отмечает возрастание роли и места этических аспектов в русской литературе 1880-х годов, когда этическая проблематика выходит на первый план, оттесняя социально-политическую повестку [4, с. 95]. Он пишет: «В «этическом пространстве» воссоздается нравственная целостность культуры, т.е. то, что объединяет современников и создает в их сознании общее поле этических оценок» [4, с. 97]. В то же время, как в литературе, так и в философии нравственный поиск и создание «этического пространства» как внутреннего локуса постановки и разрешения сложных нравственных коллизий интенсивно сопрягался с анализом текущей социально-политической ситуации, поиском модели более справедливого общественного устройства. Литература, искусство, философия в России всегда имели социальное измерение и выполняли функции не только художественного отражения и освоения реальности, но и формирования и трансляции общественного мнения, постановки социальных проблем и выявления возможных путей их решения.

Тем не менее, несмотря на особую глубину нравственного поиска и осознания в русской философии и литературе в России, длительное время наблюдался определенный дефицит интереса к цивилизационной рефлексии. Полемика западного и почвеннического направлений в социально-философском и политико-философском дискурсе велась главным образом вокруг проблемы выбора пути дальнейшего развития общества, однако эта проблема ставилась преимущественно вне цивилизационного контекста, скорее в культурно-религиозном и социально-экономическом.

Либерально-западническое направление опиралось на универсалистскую концепцию социально-исторического развития, позиционируя европейские страны в качестве наиболее развитых, опережающих Россию в социально-экономическом отношении обществ. Длительное время западный мир рассматривался российскими политическими и культурными элитами как сообщество, ценностные константы и институциональные структуры которого являются модельными для современности. Это обстоятельство создавало идейную почву для стремления к масштабным заимствованиям, копированию институтов и ценностей на российской почве. Марксистская формационная парадигма не стала исключением из этого правила: построение советского общества на принципиально новых для западного мира социалистических началах, тем не менее, было по своей сути лишь еще одной формой проявления социально-исторического универсализма и переосмысленного западоцентризма.

Формирование советской идентичности, однако, стало в некоторой степени шагом к пониманию специфики российского социума и ее радикального отличия от западного мира, однако препятствием к осознанию цивилизационного своеобразия России оставались жесткие идеологические рамки формационного подхода. Снятие идеологических ограничений в эпоху перестройки и рыночных реформ способствовало значительному оживлению цивилизационного дискурса, возвращению цивилизационной проблематики в основную социально-философскую повестку. Однако ввиду доминирования западнически-ориентированного кры-

ла политической и культурной элиты разрабатывалась преимущественно проблематика универсалистского либерализма и сценарии вестернизирующей модернизации.

Лишь в последние годы в результате реакции на осложнение международной обстановки и ухудшение отношений со странами Запада цивилизационная повестка социально-философских исследований заметно актуализировалась, поскольку стало ощутимым расхождение мировоззрений и ценностей, стало невозможным воспринимать западный мир в контексте его референтности для России. Эти внешние, казалось бы, обстоятельства вскрыли изначальные глубинные культурно-цивилизационные различия, имеющие место между Россией и Западом, и поставили научно-философское сообщество перед лицом этих различий. В настоящее время цивилизационная проблематика приобрела не только насущную актуальность, но и особую научную значимость. Возникло и укрепилось представление о том, что «русский мир» – особое, специфическое цивилизационное явление, при всей близости к европейской культуре и ее интенсивном и длительном историческом влиянии. Осознание и осмысление цивилизационной специфики общества необходимо для формирования осознанной цивилизационной идентичности. Как убедительно показал В.В. Кривоусов, цивилизационная идентичность россиян, ассоциируемая с «Русским миром», способна стать интегрирующим общество фактором, причем это должна быть осознанная интеграция на основе ценностей и жизненных смыслов, сформированных на глубинном цивилизационном уровне.

В своем исследовании мы ставили задачу выявить и показать институциональную и ценностно-нормативную специфику российской цивилизации. Что касается институциональной составляющей, то ее отличие состоит в устойчиво воспроизводящейся особой роли государственной власти, которая непосредственно участвует и руководит в социально-экономических, политических и даже культурных процессах, определяя их направленность и являясь их косвенным или прямым бенефициаром. Такие черты характеризуют цивилизацию этакратического типа и формируются исторически в корреляции с особенностями ценностно-нормативного комплекса, включающего представление о сверхценности власти и ее сакральных истоках.

При этом, вопреки позиции О.И. Шкаратана, разработавшего концепцию этакратизма применительно к российской цивилизации, мы полагаем, что цивилизационная специфика России дает основания не рассматривать ее как часть евразийской цивилизации с культурными паттернами азиатского типа. Различные исторические влияния, которым Россия подвергалась на протяжении своей истории со стороны азиатских народов и культур в силу пограничного территориального положения, естественно, придали российской цивилизации некоторые сходные с азиатскими черты, но они изначально были восприняты не в чистоте, как полагает Шкаратан, а в наложении на паттерны и ценности, уже заимствованные под византийским культурным и религиозным влиянием. Поэтому черты, внешне придающие сходство с азиатскими цивилизациями, имеют другое внутреннее культурное наполнение, основываясь на ценностях духовной симфонии государства и церкви, когда политические цели могут иметь дополнительное духовное измерение.

Выводы

Таким образом, институциональная специфика российской цивилизации, включающая намного более объемные ролевые функции государства и вытекающие из них его дополнительные возможности, способствовала формированию институциональных конфигураций, существенно отличных от институционального строения обществ, относящихся к западной цивилизации. Эти конфигурации обрисовывают центральное место государства в социуме, его определяющее участие во всех процессах, специфический тип гражданского доверия по отношению к власти. Обратной стороной такого состояния является сниженная эффективность институциональных механизмов, традиционная для России забюрократизированность, слабость гражданского контроля и социальная пассивность населения, во многом сохраняющего патерналистские установки и ожидания по отношению к государству.

Ценностно-нормативный комплекс также имеет цивилизационные характеристики. Институциональные и культурно-ценностные черты цивилизации находятся в единстве и взаимообусловленности. Для России в этом смысле характерными цивилизационными чертами ценностно-нормативного комплекса являются превалирование духовных ориентиров над материальными, что определяет повышенную потребность общества в формировании идеологий, выстраивающих образ будущего и базирующихся на определенном наборе духовных ценностей. В то же время для русской культуры, исторически определявшей облик российской культуры в целом, характерен особый акцент на проблематике нравственности, которая превратилась в своего рода эпицентр духовных поисков. Этим определяется этикоцентризм мировоззрения, свойственный и российской классической литературе и философии. Превалирование духовного начала в смысло-жизненных ориентациях общества находит выражение также в наличии установок и мотиваций, в трудных жизненных ситуациях способствующих готовности к ограничениям в потреблении во имя реализации более высоких общественных целей.

В условиях доминирования культуры «общества потребления» российская цивилизация в силу указанных особенностей сохраняет свои специфические черты, что может говорить об их устойчивости и возможности рассматривать их как своего рода цивилизационные константы – характеристики, остающиеся неизменными на протяжении длительного исторического времени.

Список источников

1. *Аверинцев С.С.* Крещение Руси и путь русской культуры // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси: Сборник статей / Сост. М. Назаров. М., 1991. С. 52–60.
2. *Джоган А.В.* Этикоцентризм как доминирующая черта отечественной философии // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 11. С. 221–224.
3. *Замалеев А.Ф.* Фазисы русской нравственности // Смысл жизни в русской философии. Конец XIX – начало XX века. СПб.: Наука, 1995. С. 5–17.
4. *Кондаков Б.В.* «Этическое пространство» русской литературы 1880-х гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2010. № 1 (4). С. 95–102.
5. *Кривоушков В.В.* Русский мир как ориентир цивилизационной идентификации и социальной интеграции россиян // Автореф. дис. канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2016. 38 с.
6. *Лексин В.Н.* Судьбы цивилизаций и русский вопрос: опыт системной диагностики. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2016. 794 с.
7. *Павленко В.В.* Византия и Россия: духовное и историческое наследие // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2012. № 271 (8). С. 106–122.
8. *Пантин В.И.* Цивилизационные особенности развития России в контексте современных социальных трансформаций // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 4. С. 108–124.
9. *Российское общество: архитектура цивилизационного развития / Р.Г. Браславский, В.В. Галиндабаева [и др.]; отв. ред. В.В. Козловский; ФНИСЦ РАН. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. 340 с.*
10. *Шкаратан О.И.* Евразийский вектор русского цивилизационного транзита. Статья 1. Всемирные и локальные цивилизации // Общественные науки и современность. 2014. № 3. С. 73–83.
11. *Шкаратан О.И.* Социальная система, обращенная в прошлое (Часть 1) // Социологический журнал. 2015. Т. 21. № 3. С. 88–104.

References

1. *Averintsev S.S.* Russian Baptism and the path of Russian culture // Russian Abroad in the year of the millennium of the baptism of Russia: A collection of articles / Comp. M. Nazarov. M., 1991. P. 52-60.
2. *Jogan A.V.* Ethicocentrism as the dominant feature of Russian philosophy // Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. Russian Philosophy. 2010. No. 11. P. 221-224.
3. *Zamaleev A.F.* Phases of Russian morality // The meaning of life in Russian philosophy. The end of the XIX – beginning of the XX century. St. Petersburg: Nauka, 1995. P. 5-17.
4. *Kondakov B.V.* “Ethical space” of Russian literature of the 1880s. // Bulletin of the Vyatka State University. 2010. No. 1 (4). P. 95-102.
5. *Krivopuskov V.V.* The Russian world as a landmark of civilizational identification and social integration of Russians // Abstract of the dissertation of the Candidate of Social Sciences. Rostov-on-Don, 2016. 38 p.
6. *Leksin V.N.* The fate of civilizations and the Russian question: the experience of system diagnostics. M.: URSS: LENAND, 2016. 794 p
7. *Pavlenko V.V.* Byzantium and Russia: spiritual and historical heritage // Scientific and analytical journal Obozrevatel – Observer. 2012. No. 271 (8). P. 106-122.
8. *Pantin V.I.* Civilizational features of Russia's development in the context of modern social transformations // Bulletin of the Institute of Sociology. 2021. Vol. 12. No. 4. P. 108-124.
9. Russian Society: architectonics of civilizational development / R.G. Braslavsky, V.V. Galindabayeva [et al.]; ed. by V.V. Kozlovsky; FNISCI RAS. M.; St. Petersburg: FNISCI RAS, 2021. 340 p.
10. *Shkaratan O.I.* The Eurasian vector of Russian civilizational transit. Article 1. World and local civilizations // Social Sciences and modernity. 2014. No. 3. P. 73-83.
11. *Shkaratan O.I.* Social system facing the past (Part 1) // Sociological Journal. 2015. Vol. 21. No. 3. P. 88-104.

Статья поступила в редакцию 10.09.2024; одобрена после рецензирования 25.09.2024; принята к публикации 25.09.2025.

The article was submitted 10.09.2024; approved after reviewing 25.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.
